
*В миру стоит гора.
Нет, я не о Фаворе.
Стоит посресть песков,
среди пустых полей.
Стоит из-за лесов...
Она зовется — Горе.
Нависла над тобой,
безропотной моей.*

*Куда ни погляжу —
в глазах гора горяча.
Ни кочки, ни куста,
ни тропки, ни ключа.
Она голым-гола —
та горевая круча.
Куда не отвернусь —
молчит из-за плеча.*

*Как проглотив кого,
задумалась утробой.
Уперлась низким лбом
в напрягающую близь.
Оплыть иль обойти,
иль облететь не пробуй.
Пока она стоит —
и сам остановись.*

*Замри, окаменей,
замкни укор и ропот.
Одно лишь Имя знай,
одно прощенье правь.
И пусть не при тебе
небесный грянет рокот
и поглотит ее, —
одно лишь Имя славь.*

*Все в доме с рассвета грустит по тебе:
цветы, занавески, еловая хвоя...
Лампадка-безмолвница вздрогнет порою.
Заноеет струя водяная в трубе.*

*Иконы и книги поведать хотят,
как знаменем крестным себя осеняла
из сил из последних
и как устремляла
в пространство над нами взыскующий взгляд.*

*Ты тайну ухода доверила нам
и скатерти той, что до дыр застирала,
и складкам негреющего одеяла,
и ликам, и замершим этим цветам.*

*Все помнит тебя, все томится в тиши.
Все немо. Все поздним исходит приветом.
Все внемлет трудам излетевшей души.
Все полнится чистым, задумчивым светом.*

ВОЛОДЕ

*От сретенских веселых лет
с их песнелюбьем закадычным,
она прошла тебе во след
по тем же корпусам больничным.*

*Вы вместе были на краю,
но воли не давали страху.
Как брату, гладила твою
крестильную, до пят, рубаху.*

*Так пособи же ей, поэт,
теперь и ты, хотя б вначале,
в том свете, где болезней нет,
ни въздыханья, ни печали.*

*Так подскажи ей правый шаг,
чтоб не на ошупь, не впотьмах,
туда, где сам горюшь, как свечка,
в жизнь, что по праву бесконечна.*

*Недожалел тебя,
недоберег тебя,
недолюбил тебя,
недосмотрел,
недомолился я
на дню и в полночи,
не догадался, что
се — твой предел.*

*Недоболеп тобой,
недогрустил с тобой,
недосказал тебе
свои вины.*

*Недоносил тебя
во кровном череве,
со левой бьющемся
со стороны.*

*Не насмотрелись звезд,
не провожу на мост,
не обойму у Нерльского моста.*

*И не дожидаться мне
совета тихого,
как жить во прочие
дни живота.*

*Акафист, списанный в тетрадь
рукой прилежною твоею,
нашел в бумагах и опять
молчу, и горблюсь, и болею.*

*Взгляд задержу ли на бинтах —
и тут же уязвляет память.*

*Я и не ведал, что вот так
способны вещи тихо ранить.*

*Как бьются пижма и полынь
в метельной зноби на сугоре!
Как беззащитно в тишь и стынь
над лесом кровоточат зори!*

*А как стерильны и чисты
снега кладбищенского поля!
...Изнемогать от маяты,
но вдруг открыть, что нету боли,*

*что нету судного огня
и что легко и небывало
Заря таинственного дня
тебя навек уврачевала.*

ТАМ, ГДЕ НЕТУ ТЕБЯ...

*Океан не услышит девятого вала.
Там, где нет человека, царит тишина.
Гул лесной сочинить не сумеет хорала.
Тучам вспых нипочем, не пугает нимало.
Там, где нет человека, гроза не страшна.*

*Там, где нету тебя, там не тикает время,
не ликует природа, не плачет ручей.
Без тебя безмянно цветочное семя,
безголос соловей, безразличны деревья
и бесцветна заря над землю ничьей.*

*Там, где нет человека, там Бог — недоучка.
Там — ни смысла, ни света, ни зги, ни перста
Там любовь — не любовь, а случайная случка.
Там творенью служебному дьявольски скучно.
Там, где нет человека, там нет и Христа.*

КАКАЯ-ТО БОЛЬШАЯ СТАНЦИЯ

*Какая-то большая станция
Средь ночи нас остановила.
Не мог спросонья догадаться я,
какая там большая станция,
а на вокзальное светило
взглянуть мне воли не хватило.
Я слышал: вдоль пути смотрители
простукивают важно буксы.
Билетной кассы покорители
пустые занимают люксы.
Диспетчерша бессонным голосом
прибывший называет поезд.
Где б ни услышал, хоть на полюсе,
он всюду тот же — грустный голос.
Большая станция, небедная.
Вот так, припомнишь, и бывает:
Является из тьмы, неведома,
неузнанною отплывает.
В ее невнятности томительной
мне чуется укор усталый.
Ну, наконец...
Толчок медлительный.
Счет затевают стыки, шпалы.
И мчит уже, трясет, как бешеный.
И я мгновенно засыпаю,
почти счастливый и утешенный,
что есть она в ночи...
Большая.*

*Вещий ворон летит тяжело,
воздух скриплыми пашет крылами.
Что опять его к нам занесло?
Напророчить всемирное зло?
Но в подробностях знаем и сами.
Ходят около хмурые дни
Круг за кругом. Но мы и не ропщем.
Ворон, братец, и ты не стони.
Эти злые — уйдут и они.
Это нам не впервой, между прочим.*

*Нигде от неба не укрыться—
об этом знает мать сыра
земля, и окает криница,
и шепчет ласточки нора.
Зовет оно иль пригнетает?
Вселяет веру или страх?
Про то — теперь или в веках —
никто не ведал и не знает.
Но все-таки зимой и летом
оно исполнено примет,
что этот переменный свет
однажды станет полным светом. ■*